

Держите тон, господа!

В ЧЕТВЕРГ
ПОУТРУ

Нет, все-таки все у нас «не как у людей». Представьте себе нормального Рэмбо, который читает наизусть из пророка Исайи и рассуждает о подробностях национальной идеи. А чем, скажем, Валерий ПРИЕМЫХОВ – не наш советский Рэмбо? Его герои в «Пацанах» и «Холодном лете 53-го» стали образцами и кумирами для миллионов отечественных зрителей. Только вот сам Валерий Михайлович никак не вписывается в мускулистые рамки супермена. И дело, конечно, не в телесной его конструкции, а в интеллигентских мучениях, претерпеваемых им как русским человеком в заданных условиях пространства и времени. Между прочим, Валерий Приемыхов не только известный актер, снявшийся во множестве фильмов, но еще и профессиональный сценарист и режиссер, снимающий фильмы по собственным сценариям («Штаны», «Мигранты»), и писатель, чья последняя книга «Двое с лицами малолетних преступников» только что вышла в московском издательстве «Самовар». Ничего удивительного, что при таком разнообразии талантов одного человека разговор в редакции получился немного сумбурным и обо всем. Что, конечно, лучше, чем ни о чем. И вообще, мы поздравляем любимого артиста, которому 26 декабря исполняется 54 года.

Судьба «аркашки»

— Как в одном человеке уживаются актер, писатель, сценарист и режиссер?
— Вы можете сказать, какие люди нравятся сегодня молодежи?

— Актером я стал случайно и по недоразумению, а так всю жизнь хотел быть писателем. Тем более что первый мой рассказ был опубликован, когда я учился в шестом классе. Но я жил на Дальнем Востоке, в маленьком таежном поселке, и само звание «писатель» казалось чем-то недоступным. Работал токарем на заводе, вечером ходил в «народную студию» при театре. Потом дома мне дали деньги до Хабаровска, где я поступал в железнодорожный институт, а в это время как раз открылся Дальневосточный институт искусств. С моим приятелем, замечательно читавшим ко всем датам «Стихи о советском паспорте», доехали до Владивостока и поступили.

Два сезона я отработал в театре, мне там не понравилось. По разным причинам, в том числе и по «провинциальным комплексам». Я работал во Фрунзе, в театре имени Крупской. И вот приезжает из Москвы какой-нибудь мальчик, и все народные артисты перед ним стелются, актрисы чай в номер носят. А я в Москве видел, как он бегал по редакциям, просил какую-нибудь работу, а ему говорили: «Иди, иди...» Что же это такое, думаю, надо самому в Москву ехать, если такие дела. И не то чтобы в провинции лучшие люди или хуже. Это еще Флорбер предупреждал молодых авторов: только не пишите, что провинциал лучше парижанина. Просто психология другая. Это я

ной Соловей. На «Ленфильме» кто-то наступал, что мы снимаем не по сценарию, что там секс, курят в кадре и так далее. Несмонтированный материал срочно вызывают в Москву, его смотрит Павленок, тогдашний начальник, и отзывается примерно так: «Эта Катя Васильева с лицом диссидентки, эта куриная ж... Соловей и этот сексуальный маньяк Приемыхов!» Два месяца фильм мурьжат, мы выбиваемся из плана, наконец дают поправки: убрать секс, убрать курящую Васильеву. А это ведь кино, перебив планов. Павленку говорят: «Видите, какая ерунда и нестыковка получается». А он: «Ничего, у нас такая плохая пленка, что никто ничего и не заметит!»

После фильма пошли возмущенные письма, что я очень плохо говорю, а у меня действительно немножко такой южнорусский говор, и «ч» неправильно звучит, и речевой аппарат тяжелый, тем более что нетренированный. И когда меня утверждали в главной роли на «Пацаны», все на «Ленфильме» были против — и Илья Авербах, и Фригетта Гукасян. В приказном порядке должен был играть Родион Нахапетов. И я очень плохо пробоваюсь, но Динара Асанова настояла, чтобы играл именно я, и потом, помню, Гукасян сказала такую фразу: «Ну-у... он играет выше своих возможностей...»

Своей актерской судьбой я обязан Динаре. Помните, как Шабельский у Чехова в «Иванове» говорит: «Самое страшное, это когда тебя не видят и не замечают». Страх любого творческого человека не в том, что тебя ругают, а ты злишься и что-то им всем отвечаешь... Страх в том, что тебя просто не замечают. В фильмах Динары я как бы заново переучился. То, что я сам и все во мне считала недостатком, она превратила в достоинство. Динара всегда

мужика здорового поставим, он будет тебя подкидывать, а ты только чуть-чуть будешь руками». Так я и чуть-чуть не успевал. И другой случай был с Сашей Прошкиным на «Холодном лете 53-го». Там пробовали дочку Шукшина Машу, а она жуть как здоровая, и Прошкин мне говорит: «Ты ее хватаешь и тащишь на себе к лесу!» Я говорю: «Да как мне ее схватить? Мне бы самому добежать эти сто метров...»

По нашему представлению о молодых, они должны любить как бы таких вот Рэмбо. Но и тогда съемки показали, и сейчас, как мне кажется, им важно совсем не то, чтобы человек был красивый, здоровый, смелый, умный и увлеченный, а просто чтобы он им не врал. Они ведь ложь сразу чувствуют. И пусть ты им говоришь совершенно правильные слова, но имеешь в виду при этом получить какую-то для себя прибавку, встать повыше, добиться поста — они тебя никогда не примут. Но если ты даже будешь несправедлив, но только потому, что хочешь как лучше, они тебя оправдают. Мальчишки, они ведь не за смыслом слов следят, а за тем, как ты сидишь, куришь, говоришь, и все время, как журналисты, ждут, когда ты «облажаешься» и весь наружу вылезешь, чтобы сразу тебя понять. И еще, как ни странно, они ждут от тебя дидактики. Определенного консерватизма, свойственного твоему возрасту. А когда ты перед ними вроде бы и «папашка», а такой весь крутой и вроде бы молодой: «Да, ребята, надо любить то, что сегодня, надо жить сегодняшним днем!» — то они вроде как и обижаются, что ты то ли их за дураков считаешь, то ли сам дурак.

Когда я сейчас все время слышу, что телевидение и кино вообще никого не воспитывают и к культуре никакого отношения не имеют, а должны только развлекать, я прихожу в ужас. И почему Высоцкий, Динара, Шукшин так рано умирали? Да потому что для них в этой профессии были не только деньги и положение, но и служение, и какая-то высшая задача, и это была не поза. А при новых временах оказалось, что многие люди, когда они говорили: «Старик, а здесь мы сделаем наезд, а здесь подбавим!» — они, оказывается, просто деньги зарабатывали. Но много было и «лопухов», которые действительно любили это кино и умирали в нем.

Две трети жизни — в отвал

— Чего больше в вашем отношении к перемене в стране: ностальгии по прошлому или надежд на будущее?

— Почему ваше герой-супермен не получил развития в нашем кино?

— Я не понимаю некоторых своих коллег, особенно весь Со-

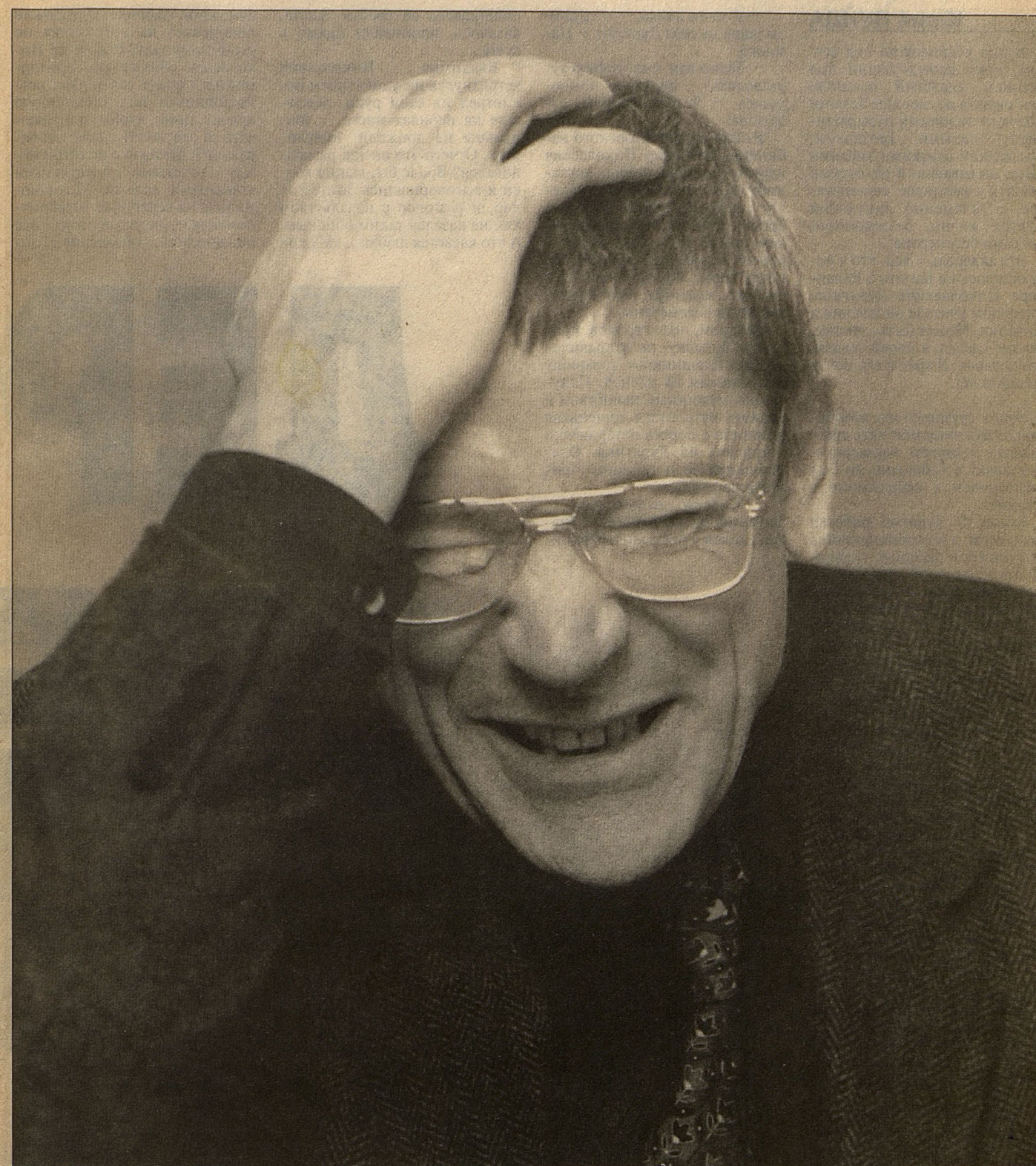
наемные зеки. Я первый раз в жизни увидел центнер золота. И все бы ничего, да государство это золото не покупает. Так устроен «валютный коридор», что дешево почему-то золото в Мали покупать. И сейчас, я знаю, наши бригады туда на прииски полетели работать. А как жить бабулям, каждая из которых по две тонны золота за жизнь намыла, вообще непонятно, потому что им даже продукты не на чем доставить.

Недавно снимался в Мурманске в шведской картине, спрашиваю там: «А чего вы Козырева выбрали? Ну, Москва понятно, а вы-то зачем?» Оказывается, он им пообещал старые грузовики из Норвегии пригнать. Ну, и пригнал? Нет, говорят, начальникам пригнал, а нам нет. Я говорю: «А вы что, сразу этого не знали?» Да знали, говорят, но все время на что-то надеешься...

Козырев, когда шла речь о спорных островах, сказал: «А мы этим подадим им хороший пример». Так вот другие народы к хорошим примерам не очень склонны. Я помню, как к нам на Дальний Восток приезжали китайцы покупать спички, посуду, вроде того как мы ездили в Польшу или Венгрию. Забытые были, стайкой ходили. А теперь насмешливо так смотрят: «Эх вы, русские...» Когда я у местных спрашиваю, как у них бизнес идет, они только рукой машут: «Какой бизнес, елки-палки, нас через пять лет, считай, до Урала уже не будет!» Вот вам и Курилы!

Как они там сейчас живут?.. Приезжает из Москвы журналист и на всю страну объявляет Владивосток городом Глуповым. А он представляет себе, что такое Дальний Восток, где из трех человек, приезжавших туда, оставался только один, потому что сразу шел такой отбор, что двое просто не выжили! Помню, как мы, когда были студентами, ждали прихода китобойной флотилии «Слава». Идешь заранее, часов в пять, в ресторан «Золотой рот». Заказываешь салатик, водочки и ждешь, когда придут кинотеатры. И милиционеры предупреждали заранее: «Пострадаешь от этой палды, никаких заявлений от тебя не принимаем!» — «Да ладно...» И вот они приходят, и начинается гульба. Гулит весь город. «Вы, ребята, студенты?» — «Студенты, студенты...» — «Ну давай, чего там, иди к нам!»

Они по морям плавали, они тысячи просаживали, это вольница была. Или шахтеры, или те же золотодобытчики, парни по два метра ростом с такими вот ручищами. Что для них сейчас оказалось без работы? Здесь в Москве ты хоть милостыню можешь попросить. А как попросишь милостыню в маленьком городке? И ведь непонятно, что у него там в душе происходит, туда же не пробьешься. В ментальности заперто, что жаловаться нельзя, наоборот, если плохо — надо показать, что хорошо, если нет денег — покажи, что они есть! Ведь все там перевернулось. Все эти приграничные области закрытые были — ни воров-гастролеров, ни мафики, ни эсэров-жандармов на

Сторож, сколько ночи?

— Ваше отношение к криминализации общества?
— Были ли вы близки с властью?
— Верующий ли вы человек?

— В «Холодном лете 53-го» мне очень помог Владислав Дворжешкий, которого пробовали на роль Лузги. Я начал играть блатного того времени, а у него сидел отец, и он отозвал меня в сторону и говорит: «Валера, вы простите меня, но вы немножко неправильно играете. Политическое никогда не пользовались феней, как блатные. Это было оскорбительно и для них и, кстати, для блатных тоже. Потому что когда ты «шестерил» и переходил грань своего положения, это никому не нравится».

Я получил письмо от девушки, где она пишет, что влюбилась по переписке в зека, спрашивает, как ей быть, приложила его письмо. И я вижу, что то, что он написал, это — калыка, через которую пишет вся тюрьма по разным адресам. Мама «в старомодном ветхом шушуна», сестренка на воле осталась и полный набор всей этой лабуды. И девушка спрашивает, ехать ли ей на свидание, и тебе надо ей ответить, что ее обманывают и что потом она всю жизнь не отвяжется от этого дела.

Есть вещи, которых лучше не касаться, просто пройти мимо. Ты будешь думать, что сделал ему, бедняге, добро, а он так пе-

ные вещи, когда сильные творческие личности почему-то сразу вьются при приближении к власти. Во всяком случае, я не видел ни одного артиста или режиссера, который, войдя во власть, вдруг набрал бы обороты. Как-то мы сидели, и один очень хороший сценарист говорит: «Да-а, ребята, многим из нас придется отказываться от части своего советского творчества». Потом помолчал и добавил: «А больше всего жал Машу Шатрова. Ему придется отказаться от всего творчества».

Вообще, наблюдая за собой, за другими актерами, я вижу, что все-таки не зря актерская профессия считалась бесовской. При ней ты уж слишком приучаешься быть инструментом, принимать правила чужой игры, стирать грани собственной личности. При этом это происходит на инстинктивном, физиологическом уровне. Зритель хочет видеть тебя таким суперменом из «Пацанов» и «Холодного лета», и ты моментально включаешься, чтобы оправдать их ожидания. Был такой случай, когда после «Пацанов» я приехал в Киев на фестиваль, и бежалась вся студия, все блатные, все выскочки, все парни, где этот супермен? И вдруг я слышу: «Ой, господи, разговор-то, разговор...»

Есть какие-то маски, представления о тебе и есть реальная жизнь. Пригласили меня на телевидение в передачу «Моя семья» — экспертом. Я говорю, им хорошо — тем, кто один раз женат был, экспертизы делать. Мы ведь были «книжными мальчиками» да еще на Дальнем Востоке — читаешь себе Хемингуэя или «Три мушкетера» д'Артаньяна, госпожа Бонасье, одна, другая, третья, все легко, хо-

дем жить. А чего-то не выходит. Я сегодня Розанова, или Франка, или Леонтьева читаю: а что они могут предложить мне?

Все время спрашивают меня: «А что такое настоящий мужчина?» Да вот батюшка настоящий мужчина: маленький, лысенький, 46-го года рождения, на три года младше меня. Он умеет на себя брать ответственность, а я не могу. Для меня выбрать, играть в том фильме или в этом, писать этот сценарий или тот — мука. Я, когда пишу, телефон отключаю, чтобы вдруг не предложили чего-нибудь противоположного.

То же с верой в Бога. Пусть к вере от знания, от чтения, от ума — самый длинный. Верующая — это бабушка в платочке, которая не знает ничего, но верит свято: «Как, вы еще дочку не крестили?» — «Да ей два месяца всего». — «Ну, а вдруг с ней случится что-нибудь? Некрещенные души — это же самое страшное: летают в пустоте, ни туда, ни сюда!» Я хожу в церковь, причащаюсь, но как сказать о себе: «верующий»? Это ведь дар, благодать. Это все равно что сказать о себе: «я худощавый», «я писатель». Более-менее умные люди не говорят же: «мое произведение», «мое творчество». Достаточно — «моя работа», «моя профессия».

Впервые понял, какой я верующий, когда однажды попал за стол со священником и его прихожанами. Понял, что я не так разговариваю, не так себя веду, в тон не попадаю. Когда-то в Малом театре существовала такая вещь — перед спектаклем зазвонит всем говорил: «Держите тон, господа!» Так вот я увидел, что мой тон отличен от тона верующего человека. Академик Раушенбах, известный математически доказал

они всегда и оставались. И рассказывал, как приехал один пастор, то ли из Швеции, то ли из Норвегии, и удивился, как много у нас в храме верующих. Не людей, а именно верующих. Он как пастырь распознал их в толпе. А наши интеллигентские метания, мнения, рассуждения мало что значат.

Когда я исповедовался в первый раз, говорю, что гордыня, проклятая, совсем заболала. А батюшка мне: «Про гордыню не надо. Вы же ждали, чтобы сделать принуждающе?» — «Да». — «Вот это грех». Есть страшные фразы, как, например, Василий Великий сказал: «Грешник, который повторяет свой грех, похож на пса, который прибегает на свою блевотину». Кстати, когда читаешь прозу прошлого века или 20-х годов, всегда понимаешь по оборотам, по сюжету, когда это написано. А читаешь Иоанна Златоуста, будто это он тебе из Рязани письма присылает.

Тут много парадоксов. Вот, говорят, сейчас идет «новояз» религия. Мол, все они стоят со свечками, а на самом деле... Ну а что, лучше, если бы они стояли со стаканами? Или, говорят, давайте переведем службу на русский язык. Хорошо по этому поводу сказал дьякон Кураев: да на славянском надо служить только потому, что на этом языке никто никогда не матерился. Вы попробуйте перевести слова «благодарствование воздыхов». Или молитву Святому Духу: «Царю Небесный Утешителю, Душе Истинной, иже веде сый и вся исполняяй, сокроуише благих и жизни подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наши?» Это — музыка. Зачем переводить музыку? Или последний пример, из Исайи: «Кричат мне с Сеира:

листные рамки супермена. И дело, конечно, не в телесной его конструкции, а в интеллигентских мучениях, претерпеваемых им как русским человеком в заданных условиях пространства и времени. Между прочим, Валерий Приемыхов не только известный актер, снявшийся во множестве фильмов, но еще и профессиональный сценарист и режиссер, снимающий фильмы по собственным сценариям («Штаны», «Мигранты»), и писатель, чья последняя книга «Двое с лицами малолетних преступников» только что вышла в московском издательстве «Самовар». Ничего удивительного, что при таком разнообразии талантов одного человека разговор в редакции получился немного сумбурным и обо всем. Что, конечно, лучше, чем ни о чем. И вообще, мы поздравляем любимого артиста, которому 26 декабря исполняется 54 года.

Судьба «аркашки»

— Как в одном человеке уживаются актер, писатель, сценарист и режиссер?

— Вы можете сказать, какие люди нравятся сегодня молодежи?

— Актером я стал случайно и по недоразумению, а так всю жизнь хотел быть писателем. Тем более что первый мой рассказ был опубликован, когда я учился в шестом классе. Но я жил на Дальнем Востоке, в маленьком таежном поселке, и само звание «писатель» казалось чем-то недоступным. Работал токарем на заводе, вечером ходил в «народную студию» при театре. Потом дома мне дали деньги до Хабаровска, где я поступил в железнодорожный институт, а в это время как раз открылся Дальневосточный институт искусств. Мы с моим приятелем, замечательно читавшим ко всем датам «Стихи о советском паспорте», доехали до Владивостока и поступили.

Два сезона я отработал в театре, мне там не понравилось. По разным причинам, в том числе и по «провинциальным комплексам». Я работал по Фрунзе, в театре имени Крупской. И вот приезжает из Москвы какой-нибудь мальчик, и все народные артисты перед ним стелются, актрисы чай в номер носят. А я в Москве видел, как он бегал по редакциям, просил какую-нибудь работу, а ему говорили: «Или, или...» Что же это такое, думаю, надо самому в Москву ехать, если такие дела. И не то чтобы в провинции лучше люди или хуже. Это еще Флюбер предупреждал молодых авторов: только не пишите, что провинциал лучше парижанина.

Просто психология другая. Это я по себе сужу. Если ты до двадцати лет прожил без телефона и без телевизора, так ты и никогда к ним до конца не привыкнешь. И дом выше пяти этажей для тебя будет странным. И каждый спуск в метро будет как маленький стресс, хоть ты даже себе в этом вилу не показываешь. Москва большой город, а когда я в первый раз в Нью-Йорк попал, он меня просто в ужас привел. Пьяные негры, газеты валяются на улице, фантастические небоскребы Траппа. А нас еще на самый верх привезли, на смотровую площадку, внизу, под нами, говорят, столица мира! А я только за голову схватился: «А-а-а!»

И вот в Москве мне представилась вторая возможность выбора: я одновременно прошел конкурс и в Литературном институте, и во ВГИКе, на сценарном. И опять решил, что «писательство» — это как-то сложновато, а сценарии я для телевидения уже писал. И мне повезло, что меня взял последний, по-моему, мастер сценарной кинодраматургии — Иосиф Михайлович Маневич. Я по всем показателям не должен был поступить как человек, уже закончивший институт и которого поэтому трудно переделывать. Маневич тоже боялся, что меня не возьмут, и поэтому, помню, последний его аргумент перед всем научным советом был такой: «Ты ведь в армии, — спрашивает он меня, — был сержантом?» «Да, — говорю, — сержантом». — «Ну, вот видите!»

И в кино сниматься стал случайно. Фильм назывался «Жена ушла», по неудачному моему сценарию. Там должны были играть Марина Влади и Высоцкий, но им не разрешили, и играли мы с Соловеем. На «Ленфильме» кто-то наступал, что мы снимаем не по сценарию, что там секс, курят в кадре и так далее. Несмонтированный материал срочно вызывают в Москву, его смотрит Павел, тогдашний начальник, и отзывается примерно так: «Эта Катя Васильева с лицом диссидентки, эта куриная ж... Соловей и этот сексуальный маньяк Приемыхов!» Два месяца фильм муржят, мы выбиваемся из плана, наконец дают поправки: убрать секс, убрать курящую Васильеву. А это ведь кино, перебив планов. Павлину говорят: «Видите, какая ерунда и нестыковка получается?» А он: «Ничего, у нас такая плохая пленка, что никто ничего и не заметит!»

После фильма пошли возмущенные письма, что я очень плохо говорю, а у меня действительно немножко такой южнорусский говор, и «и» неправильно звучит, и речевой аппарат тяжелый, тем более что нетренированный. И когда меня утверждали в главной роли на «Папана», все на «Ленфильме» были против — и Илья Авербах, и Фрихетта Гуксан. В приказном порядке должен был играть Родион Нахапетов. И я очень плохо пробоваюсь, но Динара Асанова настояла, чтобы играл именно я, и потом, помню, Гуксан сказала такую фразу: «Ну-у... он играет выше своих возможностей...»

Своей актерской судьбой я обязан Динаре. Помните, как Шабельский у Чехова в «Иванове» говорит: «Самое страшное, это когда тебя не видят и не замечают». Страх любого творческого человека не в том, что тебя ругают, а ты злишься и что-то им всем отвечаешь... Страх в том, что тебя просто не замечают. В фильмах Динары я как бы заново переучился. То, что я сам и все во мне считали недостатком, она превратила в достоинство. Динара всегда очень внимательно за тобой следила — как ты куришь, как ты сидишь, как ходишь, — и у нее ничего не пропадало зря. С ней было трудно разговаривать и доказывать что-то логически, но можно было что-то показать, даже вроде бы случайно, а она обязательно это заметит и пустит в дело.

Она очень смешно уговаривала меня сниматься в кино: «Ну, кто знает сценариста? Никто. А тут ты заходишь в любой кабинет, ногой дверь открываешь, и любой начальник тебе: «Валера? Заходи!» На самом деле существует в кино и в театре такая негласная иерархия, в которой актеры занимают одно из самых низших мест. Режиссеры, сценаристы, вообще «элита» актеров называют на жаргоне — «аркашками». Наверное, от Несчастливцева из «Леса» Островского. И мне, после того как я, «соль земли», сценарист, сижу в худсовете Госкино и решаю, утверждать того актера или этого, самому превращаешься в «аркашку»?

«Папаны» вообще дались кровью. Артисты не зря не любят играть с детьми и с животными — переиграть их практически невозможно. А там полфильма сняли, а образ главного героя непонятен, я играл вслепую, ходил «органично», а что из этого получится — до сцены истерики, когда все вдруг оформилось, — не знал. И вообще, каким должен быть авторитетный у папанов человек? Оператор мне говорит: «Валер, они любят таких крутых мужиков. Давай снимем, как ты утром бежишь купаться, подбегаясь к турнику и запросто пятнадцать раз отжимаешься!» Я спрашиваю: «А как ты это реально себе представляешь?» — «Ну, мы

добежать эти сто метров...»

По нашему представлению о молодых, они должны любить как бы таких вот Рэмбо. Но и тогда съемки показали, и сейчас, как мне кажется, им важно совсем не то, чтобы человек был красивый, здоровый, смелый, умный и увлеченный, а просто чтобы он им не врал. Они ведь ложь сразу чувствуют. И пусть ты им говоришь совершенно правильные слова, но имеешь в виду при этом получить какую-то для себя прибыль, встать повыше, добиться поста — они тебя никогда не примут. Но если ты даже будешь несправедлив, но только потому, что хочешь как лучше, они тебя оправдают. Мальчишки, они ведь не за смыслом слов следят, а за тем, как ты сидишь, куришь, говоришь, и все время, как журнальщики, ждут, когда ты «облажаешься» и весь наружу вылезешь, чтобы сразу тебя понять. И еще, как ни странно, они ждут от тебя дидактики. Определенного консерватизма, свойственного твоему возрасту. А когда ты перед ними вроде бы и «папашка», а такой весь крутой и вроде бы молодой! «Да, ребята, надо любить то, что сегодня, надо жить сегодняшним днем!» — то они вроде как и обижаются, что ты то ли их за дураков считаешь, то ли сам дурак.

Когда я сейчас все время слышу, что телевидение и кино вообще никого не воспитывают и к культуре никакого отношения не имеют, а должны только развлекать, я прихожу в ужас. И почему Высоцкий, Динара, Шукшин так рано умирали? Да потому что для них в этой профессии были не только деньги и положение, но и служение, и какая-то высшая задача, и это была не польза. А при новых временах оказалось, что многие люди, когда они говорили: «Старик, а здесь мы сделаем наезд, а здесь долбанем!» — они, оказывается, просто деньги зарабатывали. Но много было и «лопухов», которые действительно любили это кино и умирали в нем.

Две трети жизни — в отвал

— Чего больше в вашем отношении к переменам в стране: ностальгии по прошлому или надежд на будущее?

— Почему ваше герой-супермен не получил развития в нашем кино?

— Я не понимаю некоторых своих коллег, особенно весь Союз кинематографистов, которые радуются «торжеству демократии», когда, по существу, утробили твою профессию. Вот я иногда размышляю, что, если бы я не уехал никогда учиться, жил бы в Дальнем Востоке, был бы у меня орден Ленина, был бы, например, директором строительного треста, приватизировал бы сейчас пол-Благовещенска, баню бы выстроил, деньги от жены прятал, ребята с бычьими шеями и затылками вокруг. Иногда новые миллионеры тебя встречают и говорят: «Ну, старик, чего ты пишешь ерунду, сейчас я расскажу тебе свою жизнь, никакого спенария не надо!» И у всех одно и то же: «Была жена... разбогател... влюбился в молоденькую... деньги ломовые...» И пальцы веером.

Быть кинематографистом это же было престижно. И дело не в том, что раньше было хуже или лучше. Беда, когда ты со своей профессией оказываешься невостребован, в мертвой зоне. Я был сейчас на Дальнем Востоке, меня обещали на прииски на вертолете повезти. Ну, вертолетов, конечно, нет. Катеров, на которых доставляли летом продукты, нет. Добирались на вездеходах, которые всегда идут только по два, потому что один обязательно где-то утонет, а второй его вытаскивает. Представьте, шесть с половиной часов по бездорожью в этой коробке, когда тебя мотает смертельно. Приехали. До ближайшего населенного пункта 200 километров. Рабочий день в артели двенадцать часов без выходных. Водяной пушкой бьют в породу, замлечерпалка грохочет, сезон длится восемь месяцев, получают они за сезон 35–40 миллионов. Такие вольно-

продукты не на чем доставить.

Недавно снимался в Мурманске в шведской картине, спрашиваю там: «А чего вы Козырева выбрали? Ну, Москва понятно, а вы-то зачем?» Оказывается, он им пообещал старые грузовики из Норвегии пригнать. Ну, и пригнал? Нет, говорят, начальникам пригнал, а нам нет. Я говорю: «А вы что, сразу этого не знали?» Да знали, говорят, но все время на что-то налегались...

Козырев, когда шла речь о спорных островах, сказал: «А мы этим подадим им хороший пример». Так вот другие народы к хорошим примерам не очень склонны. Я помню, как к нам на Дальний Восток приезжали китайцы покупать спички, посуду, вроде того как мы ездили в Польшу или Венгрию. Забитые были, стайкой ходили. А теперь насмешливо так смотрят: «Эх вы, русские...» Когда я у местных спрашиваю, как у них бизнес идет, они только рукой машут: «Какой бизнес, елки-палки, нас через пять лет, считай, до Урала уже не будет!» Вот вам и Курилы!

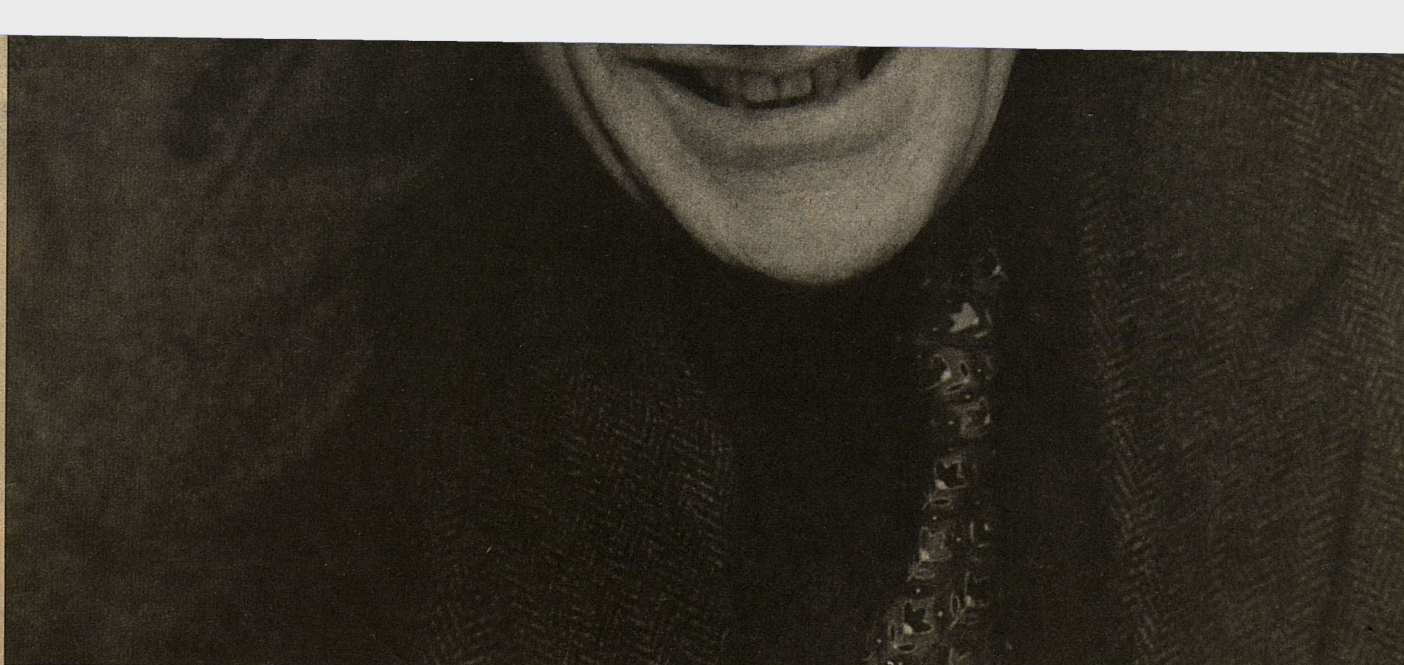
Как они там сейчас живут? Приезжает из Москвы журналист и на всю страну объявляет Владивосток городом Глоповым. А он представлял себе, что такое Дальний Восток, где из трех человек, приезжавших туда, оставался только один, потому что сразу шел такой отбор, что двое просто не выживали? Помню, как мы, когда были студентами, ждали прихода китобойной флотилии «Слава». Идешь заранее, часов в пять, в ресторан «Золотой рог». Заказываешь салатик, водочки и ждешь, когда придут китобойи. Миллионеры предупреждали заранее: «Пострадаешь от этой паллы, никаких заявлений от тебя не принимаем!» — «Да ладно...» И вот они приходят, и начинается гульба. Гулит весь город. «Вы, ребята, студенты?» — «Студенты, студенты...» — «Ну давай, чего там, иди к нам!»

Они по морям плавали, они тысячи просаживали, это вольница была. Или шахтеры, или те же золотодобытчики, парни по два метра ростом с таким вот ручищами. Что для них сейчас оказаться без работы? Здесь в Москве ты хоть милоstinно можешь попросить. А как попросишь милоstinно в маленьком городке? И ведь непонятно, что у него там в душе происходит, туда же не пробьешься. В ментальности замкнуто, что жаловаться нельзя, наоборот, если плохо — надо показать, что хорошо, если нет денег — покажи, что они есть! Ведь все там перевернулось. Все эти приграничные области закрытые были — ни воров-гастролеров, ни мафии, ни азербайджанцев на рынке никогда не видели.

Нас за границей сейчас жалуют по большей части. Не то что относятся как к придуракам, а, скорее, как к несчастным: «Ну, ничего, говорят, ничего, пройдет...» Или как в Германии мне сказали вещь, которую я вообще не понял. Человек сказал: «Ну, что мафия? Мафия создала, например, Италию». То есть, мол, для вас и такое гойдтис, если иначе не можете.

Слишком много у нас уходит в отвал. Фильм «Холодное лето 53-го» был снят десять лет назад. Наверное, американцы еще несколько лет гнали бы подобные фильмы, пользуясь зрительским успехом моего героя. А сегодня и я его уже не сыграл, и никто вместо меня его не сыграл. Я сам предлагал Прошкину поставить фильм по шамановскому рассказу о майоре Пугачеве, который возглавил в лагере восстание заключенных. Можно было бы интересно это сделать. Но — в отвал.

Есть развлекательное кино, и ничего в нем нет плохого. У Честертона есть статья — «О пользе бульварной литературы». Что плохого, пишет он, если в ней маркизы благородны, белье Лизы счастливо влюбляется в богатых и добрых, а храбрые и справедливые всегда побеждают? Добро там торжествует обязательно, а зло всегда наказывается. И разве не такие фильмы помогли итальянцам восстановить дух нации после Второй мировой войны, а американцам пережить Великую депрессию начала 30-х? И когда сейчас наши кинематографисты стоят с протянутой рукой: «Дайте, дайте нам денег!» — мне так и хочется их спросить: а что вы сделали, чтобы помочь народу в трудную минуту?

Сторож, сколько ночи?

— Ваше отношение к криминализации общества?

— Были ли вы близки с властью?

— Верующий ли вы человек?

— В «Холодном лето 53-го» мне очень помог Владислав Дворжецкий, которого пробоваю на роль Луизи. Я начал играть бластного того времени, а у него сидел отец, и он отозвал меня в сторону и говорит: «Валера, вы простите меня, но вы немножко неправильно играете. Политическое никогда не пользовались феней, как блатные. Это было оскорбительно и для них и, кстати, для блатных тоже. Потому что когда ты «шестерил» и переходил грань своего положения, это никому не нравилось».

Я получил письмо от девушки, где она пишет, что влюбилась по переписке в зека, спрашивает, как ей быть, приложила ей письмо. И я вижу, что то, он написал, это — калыка, через которую пишет вся тюрьма по разным адресам. Мама «в старомодном ветхом шушуне», сестренка на воле осталась и полный набор всей этой лабуды. И девушка спрашивает, ехать ли ей на свидание, и тебе надо ей ответить, что ее обманывают и что потом она всю жизнь не отвяжется от этого дела.

Есть вещи, которых лучше не касаться, просто пройти мимо. Ты будешь думать, что сделал ему, бедняге, добро, а он так перевернет, что это он тебе сделал, и ты уже с ним в связке, как муха в паутине. Я думаю, что многие наши деятели кино, которые достаточно серьезно связались по разным делам с криминальным миром, уже почувствовали это, а выскользнуть-то трудно. Как в фильме. Да, я политический, а ты вор в законе, да, я хуже, а ты лучше, но ты существуешь себе отдельно, я на твоей фене не говорю. Ведь криминализация нашего общества не в том заключается, что когда-то убивают. Это страшно, отвратительно — но и все. Она в том, что академики начинают говорить: «завязал», «забил на стрелку» и тому подобное.

У нас был богатый опыт другого «блатного варианта» — общения с властью. Помню, драматург Саши Галин говорит: «Слушай, Валера, я слышал, Брежнев смотрел твою «Никулышнюю» и заплакал». Я говорю: «Ты чего, серьезно?» Он: «Я же не мог такое придумать». Я начинаю всем звонить: «Ребята, все в порядке. Брежнев смотрел и заплакал». Потом, правда, оказалось, что не Брежнев смотрел, а кто-то другой, и не заплакал, а затребовал картину к себе. В итоге Лапин оставил ее в кабинете у себя на два года, потом ее без нашего разрешения порезали, перемонтировали и так далее.

Власть и раньше, и теперь не прощает, когда ты очень уж перед ней склоняешься. Был давний случай, когда хотели ставить «Последний срок» Распутина и не дали очень заслуженному и приближенному к власти человеку. А Динаре, говорят, пожалуста, дадим. То же и с нынешней властью. Я не хочу называть фамилии, но происходят удивитель-

ные вещи, когда сильные творческие личности почему-то сразу вынут при приближении к власти. Во всяком случае, я не видел ни одного артиста или режиссера, который, войдя во власть, вдруг набрал бы обороты. Как-то мы сидели, и один очень хороший сценарист говорит: «Да-а, ребята, многим из нас придется отказываться от части своего советского творчества». Потом помолчал и добавил: «А больше всего жаль Мишу Шатрова. Ему придется отказаться от всего творчества».

Вообще, наблюдая за собой, за другими актерами, я вижу, что все-таки не зря актерская профессия считалась бесовской. При ней ты уж слишком причаешься быть инструментом, принимать правила чужой игры, стирать грани собственной личности. При чем это происходит на инстинктивном, физиологическом уровне. Зритель хочет видеть тебя таи, как суперменом из «Папанов» и «Холодного лета», и ты моментально включаешься, чтобы оправдать их ожидания. Был такой случай, когда после «Папанов» я приехал в Киев на фестиваль, где была вся студия, все бабы-монтажники высыпали посморгать, где этот супермен? И вдруг я слышу: «Ой, господи, разговор-то, разговоров...»

Есть какие-то маски, представления о тебе и есть реальная жизнь. Приласлили меня на телевидение в передачу «Моя семья» — экспертом. Я говорю, им хорошо — тем, кто один раз женат был, экспертизы делать. Мы ведь были «книжными мальчиками» да еще на Дальнем Востоке — читаешь себе Хемингуэя или «Три мушкетера», д'Артаньян, господа Бонасье, одна, другая, третья, все легко, хорошо. А как в жизни столкнешься этой такой кровью, елки-палки. Один развод — это полжизни.

Вот раньше говорили: этикет, вежливость, буржуазные привычки всякие. На кой они нам, обойдемся!.. То же самое с идеологией. Ну, задолбала она нас! Как, думали, хорошо без нее бу-

дем жить. А чего-то не выходит. Я сегодня Розанова, или Франка, или Леонтьева читаю: а что они могут предложить мне?

Все время спрашивают меня: «А что такое настоящий мужчина?» Да вот батюшка настоящий мужчина: маленький, лысенький, 46-го года рождения, на три года младше меня. Он умеет на себя брать ответственность, а я не могу. Для меня выбрать, играть в этом фильме или в этом, писать этот сценарий или тот — мука. Я, когда пишу, телефон отключаю, чтобы вдруг не предложили чего-нибудь противоположного.

То же с верой в Бога. Путь к вере от знания, от чтения, от ума — самый длинный. Верующая — это бабушка в платочке, которая не знает ничего, но верит свято: «Как, вы еще дочку не крестили?» — «Да ей два месяца всего». — «Ну, а вдруг с ней случится что-нибудь? Некрещенные души — это же самое страшное: летают в пустоте, ни туда, ни сюда!» Я хожу в церковь, причащаюсь, но как сказать о себе: «верующий»? Это ведь дар, благодать. Это все равно что сказать о себе: «я худощавый», «я писатель». Более-менее умные люди не говорят же: «мое произведение», «мое творчество». Достаточно — «моя работа», «моя профессия».

Впервые понял, какой я верующий, когда однажды попал за стол со священником и его прихожанами. Понял, что я не так разговариваю, не так себя веду, в тон не попадаю. Когда-то в Малом театре существовала такая вещь — перед спектаклем затрюппой всем говорил: «Держите тон, господа!» Так вот я увидел, что мой тон отличен от тона верующего человека. Академик Раушенбах, который математически доказал существование Троицы, высказал предположение, что во все времена существования Церкви — во времена гонений или инквизиции, во времена торжества православия или, наоборот, его упадка, количество верующих в целом не менялось. Как были 15–20%, так

они всегда и оставались. И рассказывал, как приехал один пастор, то ли из Швеции, то ли из Норвегии, и удивился, как много у нас в храме верующих. Не людей, а именно верующих. Он как пастырь распознал их в толпе. А наши интеллигентские метания, мнения, рассуждения мало что значат.

Когда я исповедовался в первый раз, говорю, что гордыня, проклятая, совсем заболела. А батюшка мне: «Про гордыню не надо. Вы женщин аборт делать принуждали?» — «Да». — «Вот это грех». Есть страшные фразы, как, например, Василий Великий сказал: «Грешник, который повторяет свой грех, похож на пса, который прибегает на свою блевотину». Кстати, когда читаешь прозу прошлого века или 20-х годов, всегда понимаешь по оборотам, по сюжету, когда это написано. А читаешь Иоанна Златоуста, будто это он тебе из Рязани письма присылает.

Тут много парадоксов. Вот, говорят, сейчас идет «новояз» религия. Мол, все они стоят со свечками, а на самом деле... Ну а что, лучше, если бы они стояли со стаканами? Или, говорят, давайте переведем службу на русский язык. Хорошо по этому поводу сказал дьякон Кураев: да на славянском надо служить только потому, что на этом языке никто никогда не материлился. Вы попросите перевести слова «благодарствование воздуха». Или молитву Святому Духу: «Царю Небесный Утешителю, Душе Истины, иже вездеси и вся исполняй, сокровище благих и жизни подателе, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наши?» Это — музыка. Зачем переводить музыку? Или последний пример, из Исайи: «Кричат мне с Сеира: сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь. Если вы настоятельно спрашиваете, то обратитесь и приходите».

Записал Игорь ШЕВЕЛЕВ
Фото Петра КАССИНА

Сказано: «В мире есть три типа людей. Первый тип — это люди. Их больше всего и, в сущности, они лучше всех...» Давайте работать для них. С новым годом, «Общая»!